

Н.М. Карамзин: письма 1812 года к жене

В письмах своих Карамзин, как
в чистом и верном зеркале,
изображается во всей своей ясности.

П.Л. Вяземский

В основу данной статьи положены письма историка и писателя Николая Михайловича Карамзина (1766-1826), автора 12-томной «Истории государства Российского», отправленные им жене из Москвы в августе 1812 года. Они хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки¹ и полностью до сих пор не публиковались, кроме одного — письма от 23 августа, полный текст которого приведен в статье В.И. Лосева, посвященной Н.М. Карамзину². Отдельные небольшие фрагменты других писем историка, отправленных им жене в августе того же года, впервые были опубликованы М.П. Погодиным³.

Война 1812 года не была неожиданностью для Н.М. Карамзина, как и для многих россиян, пристально наблюдавших за событиями, происходившими в Европе в конце XVIII - начале XIX в. В письме от 25 января 1809 г. Николай Михайлович делился со своим братом Василием Михайловичем Карамзиным следующим размышлением: «...если великий Наполеон поживет еще лет десять или более, то будет много чудес»⁴.

Пророчество историка оправдалось быстрее, чем он предполагал. Прошло всего лишь 2,5 года и император Франции вторгся в пределы России в ночь с 11 на 12 июня 1812 г. (все даты даются по старому стилю).

Известно, что война застала Карамзиных в Остафьеве — подмосковной усадьбе князя Петра Андреевича Вяземского (1792- 1878), поэта и литературного критика, шурина Николая Михайловича. В том году они перебрались в Остафьево поздно, после 6 июня, в связи с рождением у них в Москве за месяц до этого (6 мая) дочери Натальи. Между 5 и 29 июля (точную дату установить не представляется возможным)⁵ Н.М. Карамзин с семьей переехал в первопрестольную столицу, хотя намеревался, как обычно, жить в деревне до осени и трудиться, как и в предыдущие годы, над «Историей государства Российского».

Известно также, что 46-летний Н.М. Карамзин оставался в Москве до вступления в нее армии Наполеона, а 20-летний князь Петр Андреевич Вяземский вступил в ополчение, сформированное графом Матвеем Александровичем Дмитриевым-Мамоновым (1790 1863), владельцем подмосковного села Дубровицы.

Военные события развивались так стремительно, что в начале августа Николай Михайлович «решился силою отправить» жену и детей вместе с женой П.А. Вяземского, княгиней Верой Федоровной, ожидавшей первенца, в Ярославль, где находилась тогда великая княгиня Екатерина Павловна, внимание и покровительство которой помогали Н.М. Карамзину в работе над «Историей государства Российского» и «Запиской о древней и новой России...».

Письма Николая Михайловича к жене, хранящиеся в ОР РГБ, охватывают период с 17 по 25 августа 1812 г. Они позволяют глазами историка увидеть события, происходившие в это время в Москве, почувствовать настроения, царившие в армии и среди москвичей, и его собственные заботы и переживания. Они также дают возможность составить представление об оценке им событий и действий современников, дополнить знания о его внутрисемейных и дружеских отношениях.

В письмах звучит, прежде всего, тревога за судьбу близких и Отчизны. Вот некоторые строки из них:

- «...береги себя и наших малюток¹; ты теперь у них одна»⁶;

- «...более всего желаю, чтобы Господь хранил вас»⁷;

«...всякую минуту молюсь о России и о нашем семействе»⁸;

«...благодарю Бога, что вы доехали здоровы до места»⁹.

Он доволен, что семейство живет в «чистеньком домике», просит жену быть бережливой

и уведомить, «что... стоит содержание людей и стол», сообщает, что принц Георг Ольденбургский, муж великой княгини Екатерины Павловны (он был ярославским генерал-губернатором), обещал в своем письме Карамзину навещать Екатерину Андреевну с детьми¹⁰. Он заботится и о молодой княгине, которой всего лишь 22 года, и просит жену: «...учи ее твердости»¹¹, сообщает, что «князь Петр здоров»¹². За три дня до Бородинского сражения он пишет о нем: «Князь теперь будет к своему генералу Милорадовичу; мы уже простились»¹³.

20 августа Петр Андреевич явился в расположение Мамоновского полка, самого известного в Московском ополчении. Но так как он плохо ездил верхом и никогда не брал в руки огнестрельного оружия, генерал Михаил Андреевич Милорадович (1771-1825) предложил Вяземскому пойти к нему в адъютанты. Князь охотно согласился. 24 августа он выехал в действующую армию и принял участие в Бородинском сражении в составе 30-тысячного войска под командованием генерала.

Но вернемся к письмам Н.М. Карамзина. Николай Михайлович советует жене не отпускать лошадей в деревню (имеется в виду имение Макателем Нижегородской губернии, принадлежавшее Екатерине Андреевне). Он пишет: «...держи (их - Л.К.) у себя и будь на всякий случай готова к отъезду. Ежели [чего Боже сохрани] неприятель дойдет до Москвы, то вам не должно оставаться в Ярославле, а через Кострому ехать в Нижний, как скоро великая княгиня выедет из Ярославля; пока она на месте, то и вы безопасны; но одни не оставайтесь»¹⁴.

О себе в письме от 17 августа Николай Михайлович пишет: «Будь спокойна, милая ... не хочу сделать ничего лишнего и безрассудного»¹⁵; то же он повторяет и в письме от 23 августа: «Не знаю, что и в каком случае сделаю и где буду; но обещаю тебе ... не жертвовать собою безрассудно: Господь бережет всех нас»¹⁶. Он носит на себе «маленький образ», присланный женой¹⁷.

Оставаясь в Москве, Н.М. Карамзин, по его собственному выражению, «наложил на себя трудную эпитимью разлукою» с семьей¹⁸. «Однакож, — пишет он 23 августа, — и теперь думаю, что мне нельзя было поступать иначе, хоть пребывание мое здесь и бесполезно для отечества: по крайней мере не уподоблюсь трусам и служу примером государственной, так сказать, нравственности (выделено мной - Л.К.)... Исполнив долг чести и любви к отечеству, буду искать тебя; прочее зависит от Бога»¹⁹.

С 18 августа Н.М. Карамзин жил «в Сокольничьей роще», в доме графа Федора Васильевича Ростопчина (1763-1826), московского главнокомандующего в Отечественную войну 1812 года и своего родственника по первому браку²⁰. Н.М. Карамзин писал о нем жене: «Граф ... бодрствует с утра до вечера»²¹; «Люблю его искренно за патриотизм и деятельность»²², хотя, по свидетельству графа Д. Блудова, историк «восставал ... против его намерения сжечь Москву»²³.

Н.М. Карамзин пристально следил за событиями Отечественной войны и действиями М.И. Кутузова, утвержденного 8 августа императором Александром I главнокомандующим всеми действующими русскими армиями.

Вот некоторые выдержки из писем Николая Михайловича к жене:

17 августа: «Главная квартира наша в Вязме или около. Кутузов должен быть уже там. На сих днях решится судьба Москвы, ежели еще не решилась»²⁴.

21 августа: «Армия наша приближается к Москве ... Вязма сожжена и в руках неприятеля. Будет ли сражение, не знаем, хоть и приехал Кутузов»²⁵.

23 августа: «Господь в одно мгновение может все переменить: постыдить врага нашего и спасти Россию... Еще судьба не решилась: ждем сражения, которое должно быть в 115 верстах от Москвы, если французы захотят в этом месте атаковать нас»²⁶; «Все казаки идут с Дона к Москве»²⁷; «Вчера приезжал сюда Платов на несколько часов, думая найти здесь Государя, и опять уехал в армию»²⁸.

И наконец, 25 августа: «Вчера в 115 верстах от Москвы неприятель атаковал наш арьергард; ожидают, что нынешний день будет решительная баталия... Господь да защитит наше любезнейшее отечество!.. Все решится скоро, скоро. Идет дождь: может быть это лучше для наших»²⁹.

Как известно, Бородинское сражение произошло на другой день, 26 августа 1812 г. Русская армия понесла огромные потери, как и французская. Н.М. Карамзин накануне сражения писал, что было выставлено «5000 лошадей на станциях от Москвы до Можайска для раненых»³⁰. Согласно предыдущему его письму от 23 августа, около трех тысяч раненых поступило в Москву еще до Бородинского сражения³¹. «...между тем, — пишет Николай

Михайлович, — город спокоен и удивительно тих»³².

В своих письмах он сообщает о высоком воинском духе солдат и генералов русской армии: «Слышно, что все от генерала до солдата готовы умереть»³³.

Он пишет и о событиях, происходящих в городе, состоянии духа москвичей и подготовке их к возможной обороне Москвы. «Наши добрые москвичи изъявляют готовность умереть за честь древней столицы: вооружаются саблями и пиками, купцы, ремесленники, мещане, фабричные. Впрочем, дай Бог, чтобы армия не имела нужды в их содействии... Нынешний день увидим шар, над которым один немец долго трудился в Воронцове (эта старинная усадьба в настоящее время находится в черте г. Москвы - Л.К.) и которым надеется сделать большой вред неприятелю: я не легковверен»³⁴. (Как известно, этот шар описан в романе Л.Н. Толстого «Война и мир»). И далее: «Москва пустеет, уезжают и увозят Воспитательный Дом. Оружейная палата, архивы, межевая, все отправляются»³⁵.

По письмам можно судить также о здоровье и состоянии духа самого историка. Будучи в разлуке с семьей, он берег свое здоровье, отказавшись в сырую погоду даже от любимых прогулок верхом, ел с «аппетитом, но с разборчивостью»³⁶. В письме от 23 августа он пишет жене: «Я кажусь самому себе довольно спокойным: аппетит и сон мой хороши, следственно и здоровье. Стараюсь исполнять твое приказание: думать менее, отвлекать себя от сердца и не растревлять чувствительности; но требую, ... чтобы и ты делала то же»³⁷.

Письма свидетельствуют о глубокой привязанности супругов друг к другу, о любви Карамзина к своим детям. После восьми лет совместной жизни, он пишет жене такие строки:

«Ты мое сокровище и жизнь; люблю тебя гораздо более себя»³⁸;

«Катенька бесценная! Прижимаю тебя к сердцу: Господь да - блюдет тебя»³⁹;

«Нежно, нежно тебя целую, а после и наших малюток»⁴⁰;

•- «...Бог любит меня, когда он дал мне такую жену»⁴¹.

Письма Н.М. Карамзина к жене свидетельствуют также о том, что он был глубоко верующим человеком. Это отмечал и М.П. Погодин, характеризуя его: «Это был человек верующий, с искреннею преданностью Промыслу Божию»⁴².

М.П. Погодин в книге, посвященной Н.М. Карамзину⁴³, приводит небольшие фрагменты его писем к жене за период с 26 по 31 августа (полный текст их, по-видимому, хранится в архиве М.П. Погодина). Они также содержат сведения о военных действиях русской армии и событиях, происходивших в то время в Москве. Вот эти строки:

26 августа: «Знаем, что наши дерутся сильно на левом фланге». Как известно, на этом фланге стояла 30-тысячная армия под командованием генерала П.И. Багратиона;

27 августа: «Вчера в 10 часу началось ужасное сражение и кончилось ночью». В тот же день, вечером, в девять часов: «Мы удержали место, но, вероятно, отступили для приведения армии в новое устройство. Неприятель также расстроен». Известно, что М.И. Кутузов в этот день писал Ф.В. Ростопчину из деревни Жуково, что ждет подкрепления, чтобы «у Москвы выдержать решительную, может быть, битву»⁴⁴ против неприятеля.

29 августа: «Неприятель в 80 верстах. Мы отступаем... Граф (Ф.В. Ростопчин - Л.К.) переезжает на Тверскую. Сенат и присутственные места закрываются. Князь Петр наш возвратился из армии и, слава Богу, не ранен». Как известно, не получив подкрепления, армия М.И. Кутузова начала отступление к Москве;

30 августа: «Вижу зрелище разительное: тишину ужаса, предвестницу бури. В городе встречаются только обозы с ранеными и гробы с телами убитых. Теперь я видел князя Лобанова, которого участь являться позже для дела: за ним полки рекрут». Как известно, генерал Д.И. Лобанов-Ростовский непосредственно занимался формированием новых полков⁴⁵.

31 августа: «Нынешнюю ночь видны были здесь огни нашей армии. Надежды мало». Известно, что после состоявшегося вечером 1 сентября Военного совета в Филях было решено оставить Москву без предполагавшегося ранее сражения на западных подступах к древней столице. В ночь с 1 на 2 сентября русская армия прошла через Москву, прикрывая уходящее из города население.

Н.М. Карамзину, который никак не хотел поверить в падение древней русской столицы, тоже пришлось покинуть Москву.

Уезжая вместе с князем Петром Андреевичем в Ярославль из опустевшей и беззащитной первопрестольной столицы 1 сентября, накануне вступления в нее французской армии, Н.М. Карамзин еще не знал, как и большинство его современников, что Россия была уже спасена.

Прошло чуть больше месяца (35 дней), и Наполеон с остатками своих войск бежал из Москвы, а вскоре и из пределов России. Блистательные победы русского оружия завершились в Париже в 1814 г., а Карамзины вернулись в разоренную Москву в начале июня 1813 г. В середине того же месяца они были уже в Остафьеве⁴⁶.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что письма Н.М. Карамзина к жене позволяют составить представление о событиях Отечественной войны 1812 года через призму наблюдений, размышлений и переживаний большого патриота земли русской, по-своему исполнившего «долг чести и любви к отечеству»⁴⁷.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1.

² Слово. 1999. №4. С.20.

³ *Погодин М.Л.* Николай Михайлович Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии... М., 1866. Т. I. С. 96-98.

⁴ Атеней. М., 1858. Ч. III. С. 421.

⁵ 5 июля 1812 г. из Остафьева Н.М. Карамзин писал в Москву брату Василию Михайловичу Карамзину: «Когда вы... приедете к нам погостить? Мы живем теперь одни и ожидаем вас с нетерпением ... А если вы не расположены скоро быть к нам, то я во вторник буду к вам обедать, если не будет дождя; но на всякий случай прошу не ждать меня долее третьего часу. С того времени, как вы от нас уехали, мы ничего не слышим и не знаем о важных происшествиях» {*Карамзин Н.М.* Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 228).

⁶ 29 июля Н.М. Карамзин писал в Симбирск брату уже из Москвы: «...Я после вас лежал дней пять: теперь оправляюсь и даже по обыкновению ездю верхом, однакож еще слаб. Живем в неизвестности. Ждем главного сражения (имеется в виду сражение под Смоленском, состоявшееся 4-6 августа — *Л.К.*)... Беспокоюсь о любезном отечестве, беспокоюсь также о своем семействе, не знаю, что с нами будет. Мы положили не выезжать из Москвы без крайности - не хочу служить примером робости. Приятели ссудили меня деньгами. Главная наша армия около Смоленска... теперь все зависит от общей битвы, которая недалеко» (К чести России: Из частной переписки 1812 года. М., 1988, С. 57).

⁷ ОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 93.

⁸ Там же. Л. 93 об.

⁹ Там же. Л. 95.

¹⁰ Там же. Л. 97.

¹¹ Там же. Л. 97, 98, 98 об.

¹² Там же. Л. 98 об.

¹³ Там же. Л. 94.

¹⁴ Там же. Л. 98 об.

¹⁵ Там же. Л. 92 об.

¹⁶ Там же. Л. 93 об.

¹⁷ Там же. Л. 98. об.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Л. 97 об.

²⁰ Там же. Л. 97 об., 98 об.

²¹ Там же. Л. 95.

²² Там же. Л. 97 об.

²³ Там же. Л. 95.

²⁴ *Погодин М.Л.* Указ. соч. С. 102.

²⁵ ОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 93 об.

²⁶ Там же. Л. 95 об.-96.

²⁷ Там же. Л. 97.

²⁸ Там же. Л. 97 об., 98.

²⁹ Там же. Л. 97 об.

³⁰ Там же. Л. 99.

³¹ Там же.

³² Там же. Л. 98

³³ Там же.

³⁴ Там же. Л. 99.

³⁵ Там же. Л. 97 об.

³⁶ Там же. Л. 98.

³⁷ Там же. Л. 95 об.

³⁷ Там же. Л. 97-97 об.

³⁸ Там же. Л. 93 об.

³⁹ Там же. Л. 98 об.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 95.

⁴² Цит. по: Николай Карамзин: Сб. / Авт. и сост. В.А. Шамурин. М., 1998. С. 46.

⁴³ *Погодин М.Л.* Указ. соч. С. 98, 102.

⁴⁴ Цит. по: Недаром помнит вся Россия: Отечественная война 1812 года./ Авт.-сост. И.А. Езерская, Ю.Ф. Прудников. М., 1986. С. 80.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ По мнению Н.П. Барсукова, «15 июня 1813 года Карамзин был уже в Москве, а 21 июня того же года - в Остафьеве» (Письма Н.М. Карамзина к кн. П.А. Вяземскому, 1810 -1826: Из Остафьевского архива. - СПб., 1897. Прим. 5 к письму Н.М. Карамзина из Нижнего Новгорода от 15 мая 1813 г.); письмо историка, адресованное И.И. Дмитриеву 15 июня 1813 г., было отправлено из Остафьева. В нем он писал: «Я плакал дорогою: плакал и здесь, смотря на развалины; Москвы нет: остался только уголок ее...»(Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866. С. 174-175).

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 488. К. 1. Ед. хр. 1. Л. 98 об.